

Я ВЕРНУЛСЯ В МОЙ ГОРОД

Татьян Жан

Культура. — 1999. — 5 февр. — с. 8.

5.2.94

на Мосту любви

Жан Татлян

Если вам двадцать или тридцать, вы, вероятно, ничего о нем не знаете. Но если вам было двадцать или тридцать в 60-е годы, вы, конечно, его вспомните сразу. Ибо кто же не знал тогда Жана Татляна? Запоминающаяся внешность, проникновенный голос, сценическая непринужденность, лишенная малейшего намека на развязность, — было от чего потерять голову его многочисленным поклонникам. И они теряли. Бегали на концерты, скупали пластинки. Все кончилось в одночасье: Жан Татлян уехал из страны, и страна, предавая его имя и голос забвению. Недавно Татлян, уже не в первый раз приехавший в родные края после долгой разлуки, объявил о своем намерении вернуться. Вернуться навсегда. Это случается нечасто — есть повод поговорить. (Впрочем, вся его биография дает такой повод). Привел певца в редакцию человек, принимающий активное участие в его судьбе, — Бутхуз Сепиашвили, председатель правления «Мосбаркомбанка». Начали мы беседу с артистом не с возвращения, а с отъезда...

— Что же все-таки заставило вас уехать? Ведь вы были знамениты, любимы и жили, судя по всему, безбедно!

— Был ли любим, вам лучше знать. А жил действительно безбедно, и никто меня не ущемлял, как раз наоборот: к примеру, приехав в Ленинград из Армении, я, отнюдь не коренной житель этого города, сразу получил очень хорошую квартиру.

— А вы родились в Армении?

— Нет, в Греции, но по окончании войны родители вернулись в Армению. Детство было бедное — отец, уже молодой человек, с трудом мог прокормить семью. Голод, холод, продовольственные карточки, а мне, романтику, только и мерещилась музыка. Мечтал играть на пианино, петь, жадно вслушивался в мелодии, модные в ту пору. И в Грузию, куда переехала семья, фортуна мне «подыграла»: на деньги, заработанные в дни школьных каникул, — малым делом занимался, — купил гитару и вскоре уже стал победителем на конкурсе во Дворце пионеров. С этого, собственно говоря, все и началось. Обожаю Иву Монтана, других французских шансонье, копировал их. И для себя твердо решил — это мое, мой путь. К тому же исполнял еще народные песни — греческие, армянские, русские, еврейские. А потом стал петь и свои. Первой своей песней считаю «Фонари» — помните?

— Еще бы!

— Эта песня быстро и совершенно для меня неожиданно стала очень популярной — такое счастье приходит к автору нечасто. А потом и пошло, и поехало... Я говорите: «Вас любили!» Во всяком случае, жаловали. Не только хорошая квартира была, но и машина, и даже огромный катер — шестнадцати метров в длину. (Между прочим, исторический катер — американский адмирал подарил его после войны в знак дружбы, как союзнику, командиру авиаскадрильи Попкову). Получал авторские — от тысячи до двух тысяч рублей ежемесячно, для 60-х годов это была весьма солидная сумма. Концертов — хоть отбавляй, и от казны иногда, просто не мог «освоить» все предложения. И вот я взял и перечеркнул все. Уехал. Почему? Политикой я не занимался, публично не выступал, не выражал

протеста, но многого не принимал и не хотел идти на компромиссы, не хотел приспособиться. Жил таким «молчаливым диссидентом».

Мне ведь не хотели давать солидную программу, составленную из собственных песен. (Между прочим, я был первым советским шансонье — до меня на такое никто не осмеливался). Даже страшно вспомнить, какой кровью она мне досталась — специальная комиссия раз пять-шесть прослушивала и корректировала.

Еще можно было как-то понять, что представители Союза композиторов брались определять, что пускать, что не пускать. (Хотя, убежден, никакой объективности у них не было. Просто сам факт, что я, не имея диплома и не будучи членом их союза, входил в десятку самых высоко оплачиваемых композиторов, приводил их в неистовство). Но это все-таки профессионалы судили! А уж когда вершителями моей судьбы в той же комиссии выступали работники КГБ, тут уж я свирепел. В общем, получалось так, что популярность моих песен все росла, а меня все больше били по голове «серпом и молотом».

— За границу не выпускали!

— Конечно, был невыездной. У меня тетушка живет во Франции. Она аккуратно каждый год присылала приглашения. А мне столь же аккуратно не давали гостевую визу. В виде большого уважения к моей «высокой персоне» (так это подавалось) даже объяснили причину (в отличие от принятых «да» — «нет»): «Ты — это не первая степень родства, мы считаем, что нет необходимости в свидании».

В 60-е годы приезжал к нам хозяин парижской «Олимпии» Бруно Кокатрикс — отбирал исполнителей-солистов в программу готовившегося к гастролям во Франции Ленинградского мюзик-холла. Он неоднократно называл мою фамилию, потому что по стилю, по жанру ему подходил такой артист, и настойчиво добивался, чтобы меня ему показали. Куда там — я был «болен» или «в отъезде», «на гастролях»! Узнал я об этом случайно год спустя — тут уж чаша терпения переполнилась. Все предпринял, чтобы вырваться из «пленности». Врезалась в память фраза начальника ленинградского ОВИРа (он принимал меня лично — такая мне была оказана высокая честь): «Вот видите,

товарищ Татлян, мы вас выпустили».

— Ну выпустили — и что дальше! Как жить! Едва ли Париж был готов упасть к вашим ногам...

— Ну как? Надо было менять облик, приспособившись к новой жизни. Французского языка я не знал, поэтому пошел в русское кабаре, а по просту говоря — в кабак. Взял гитару, переключился на русский фольклор, достаточно хорошо известный во Франции, обработал песни по-своему и быстро «адаптировался», пригласился к вкусам посетителей. И я сейчас пою на концертах русские народные песни, да и песни других народов.

— Вы восемнадцать лет прожили за рубежом. Очевидно, кабаре все-таки было только вначале. А потом? Организовали свой оркестр и гастролировали!

— Нет, там немного другая система: даже известнейшие артисты, за очень редким исключением, не имеют своих оркестров, потому что не существует годовых планов, заранее расписанных, как принято было здесь. Намечается поездка, через агентство набирается группа музыкантов, как правило, это пианист, басист, ударник, гитарист — состав зависит от репертуара певца. Одна, две репетиции — и все.

— Вы ездили только по Франции!

— Что вы, почти весь мир объездил! Побывал в Бейруте, Иране, Австралии, Канаде, в Штатах и во всех европейских странах. Причём, выступал на многих площадках, в том числе и очень престижных. Не считите за хвастовство, но мне даже выпала честь участвовать в одной программе с Ростроповичем и другими «звездами» его ранга, когда открывался в Вашингтоне фестиваль искусств в честь 200-летия США, — ваш покорный слуга представлял Францию.

В общем, с годами я и там сделал себе имя. А дальше уже оно стало работать на меня, открывая передо мной все новые и новые заманчивые двери. К примеру, я три месяца подряд, ежедневно, пел в мекке эстрадных артистов — Лас-Вегасе, в одном из крупнейших казино, и не для эмигрантской аудитории, как это было в начале моей заграничной жизни и как приходится многим нашим соотечественникам, приезжающим на гастро-

ли или навсегда обосновавшимся за рубежом, а для американцев. Русские по сугубо материальным причинам среди посетителей этого казино почти не встречались. Пел с большим удовольствием: мне нравилась восторженность американцев, их чувствительность, горячая, непосредственная реакция. И, казалось, что у них очень много общего с русской публикой.

— Может, в этом ощущении была повинна ностальгия? Вы вообще остро переживали разлуку с Родиной?

— Поначалу от пережитой обиды, от того, что Родина загнала меня в угол, я никак не мог насытиться, надыхаться воздухом свободы. Ощущение полной освободенности заставляло где-то ненавидеть пресловутую шестую часть суши земного шара. Однако постепенно острота сравнений, обиды стали стираться, жизнь взяла свое — появились другие проблемы, другие потребности и, естественно, иное восприятие прошлого и настоящего. К счастью, человеческая натура устроена так, что к хорошему привыкаешь быстро, а плохое забывается. Может быть, не всем людям свойственно так меняться. Иные до конца жизни не могут наслаждаться красивой одеждой, вкусной и дешевой едой, жуют хорошую колбасу — и счастливы. А мне безразлично, что у меня в тарелке. Со временем появилось внутреннее спокойствие. Я ощущал его все острее, все определеннее. Все сильнее и сильнее тянуло сюда, в Россию. И в 1989 году я наконец приехал.

— И каковы были первые впечатления?

— Я прилетел вечером — шел девятый час. После сверкающих аэропортов западных городов — такая темень, такое убожество! Я увидел, что почти ничего не изменилось за эти без малого два десятилетия, и мне стало страшно. И еще: самолет только-только успел приземлиться, а уже, откуда ни возмись, часовые в зеленых фуражках — и у трапа, и под правым крылом, и под левым, и в хвосте. Боже мой! Зачем это нужно?

То же гнетущее состояние было у меня, и когда я ходил по улицам. Окна каждого второго, третьего дома заколочены, словно накануне моего прилета, вчера или позавчера,

закончилась война. Концерт, который я дал сначала в Питере, а потом в Москве, встречи со слушателями несколько смягчили мое настроение. Уехал. А три года назад следующий визит в Питер, можно сказать, перевернул всю мою жизнь: я нашел здесь свое счастье.

— Наверное, теперь Санкт-Петербург кажется вам самым прекрасным городом на свете!

— Еще бы! Но дело не только в том, что я встретил здесь свою будущую жену, город объективно за два года очень изменился. И продолжает меняться прямо на глазах — теперь каждый второй, третий дом реставрируется. И многое уже восстановлено. Открываются фирмы, совместные предприятия, акционерные общества. Я сказал Собчаку: «В Париже — Жак Ширак, а в Петербурге — Анатолий Собчак, у обоих есть чему поучиться другим мэрам. Я счастлив, что приехал в Петербург, и хочу жить и умереть в этом городе».

— Что вы думаете о наших нынешних эстрадных делах?

— Сначала, когда услышал, что творится, что поется, мне стало жутко, правда, к страху примешивалось и некое удивление: песенки, в которых критикуются порядки, законы, строй, сатира на представителей высшей власти, — я просто ушам своим не верил. Однако была настоящая лавина непрофессионализма — и в песенной «продукции», и в пении.

— Почему была! Что — сегодня разве «убыла»!

— Убывает. Возьмите «Массовый лай» (по-моему, это название уместнее, чем «Ласковый май») — несколько групп пели под одну и ту же фонограмму, под один записанный голос. Таких групп теперь уже нет. Мне кажется, по сравнению с тем, что было три года назад, какая-то селекция ощущается — происходит мало-помалу естественный отбор.

В других странах тоже хватает молодых людей, которым не хочется ни о чем думать. И музыке они любят, не заставляющую задумываться. Это было всегда и будет, по всей вероятности, только не на столь низком уровне и не в таких массовых масштабах. Но в последнее время у нас появляются все-таки песни, в которых «проклевывается» несколько примитивная, но мелодия, а вместо тупого повторения слов — сюжет.

— Каковы ваши личные планы!

— Я хочу продолжать творческую жизнь, пока буду видеть в зале лица людей, тепло расположенных ко мне, и чувствовать, что им нужно мое пение, что я приношу им радость и какое-то отдохновение от тягот и забот.

Мне здорово повезло, что я догадался стать шансонье. Эти песни всегда несут душевную теплоту, любовь, стремление к единению. Одна из моих последних, написанных буквально перед приездом в Россию, «Мост любви», — как раз об этом. Ее словами мне и хочется закончить нашу беседу: «Давайте, построим Мост любви — это будет наш первый и единственный мост. Такого моста еще никто не строил... Давайте построим Мост любви, но... нет, нет, чтобы мы не стояли на разных концах этого моста. Пройди до полдороги хотя бы, мой друг, и протяни мне руку. Давайте построим Мост любви, через который самые страшные враги пройдут бок о бок. В конце пути, если они не будут любить друг друга, они хотя бы перестанут ненавидеть и убивать друг друга. Давайте, построим Мост любви, через который каждый из нас в одну или в другую сторону пройдет свободно, — Мост любви».

Беседу вела
М. ИГНАТЬЕВА.

Фото Н. Самойлова.